

ISSN 0201—7385
ISSN 0868—4871

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1946 году*

Тема номера:

Основные направления современных
политических исследований

Серия 12

политические
науки

4 / 2004

свобода. Они также отмечали, что лишь при свободном волеизъявлении народа государство может осуществлять гуманную политику.

Мыслители, придерживающиеся плюралистических теорий начала XX столетия, принадлежали к либеральной традиции, которая отстаивала мысль, что свобода наилучшим образом защитима, когда рассредоточена. Сторонники противоположной точки зрения ориентировались на концентрации власти в одном центре¹⁷.

Фигтис подчеркивал, что законодательство должно признавать право социальной группы развиваться и совершенствоваться, добиваясь выбранной ею цели. По его мнению, государство представляет собой группу особого рода, которая, в свою очередь, составлена из социальных групп. Естественно, что индивиды, граждане принадлежат к государству. Но все дело в том, что эта принадлежность к государству предполагает членство индивидов в других социальных и политических группах¹⁸. Термин "государство" используется Фигтисом для того, чтобы рассмотреть совокупность групп, формирующую единый организм, а также формальные органы управления, которые действуют как единая организация.

Ласки принял многое из того, что утверждал Фигтис о взаимоотношениях, которые должны существовать между государством, группой и индивидом. Но в то же время имеются различия между ним и Фигтисом. Ласки размышлял о государстве как об одной из многих групп в обществе. Он поддерживал ту мысль, что государство имеет особые присущие ему свойства, представляет индивидов, составляющих одно целое и преследующих общую цель. У этого широко известного политического мыслителя встречается определение государства как "большой корпорации общественного обслуживания" ("Great public service corporation"), имеющей определенную ограниченность, которой присуща важная функция заботы о благосостоянии граждан, поддержания их высокого уровня жизни¹⁹.

Американский политолог Магид в монографии "Английский политический плюрализм" (1941) относил политический плюрализм к особому движению XX столетия, которое уже в первые десятилетия века было широко распространено и с географической, и с политической точки зрения, а также повлияло на академическую науку. Это движение включало политических мыслителей из нескольких европейских стран и США. Выдвинутые ими доктрины использовались левыми, центристами и правыми, представителями церковных конфессий, экономистами, политиками и политически философами²⁰.

¹⁷ Ibid. P. 12.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid. P. 140.

²⁰ Magid H.M. Op. cit. P. 3.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

Д.Г. Сельцер

СУБРЕГИОНАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЭЛИТА ОТ М.С. ГОРБАЧЕВА ДО В.В. ПУТИНА: ОБЩИЕ ПОДХОДЫ¹

История и тенденции изучения

Элитология², политическая регионалистика³, историко-политическая наука⁴ накопили серьезный опыт изучения региональ-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (№ 04-03-00058а).

² Субрегиональной административной элитой мы определяем первых лиц бюрократии городов и районов. Применительно к советскому времени сложился подход, что это кадры руководящей номенклатуры (См.: Галимов Р.Р. Правящая политическая элита Башкортостана: динамика рекрутации в позднесоветский и постсоветский период (1986–1999 гг.) // Элитизм в России: "за" и "против" / Под общ. ред. В.П. Мохова. Пермь, 2002. С. 185). До 1991 г. это секретари ГК и РК КПСС, председатели исполнкомов городских и районных Советов, в 1990–1993 гг. – председатели Советов. Следуя той же логике, к постсоветской административной элите мы отнесли выборных должностных лиц местного самоуправления: с 1991 г. – глав администраций городов и районов, с 1995 г. – председателей Советов и Дум. См. также: Березовский Е.В. Политическая элита российского общества на рубеже эпох. Ч. 1 (1991–1996): Историко-социологическое исследование. М., 1999; Властные элиты и номенклатура: Аннотированная библиография российских изданий, 1990–2000 гг. СПб., 2001; Гельман В.Я., Тарусина И.Г. Изучение политических элит в России: проблемы и альтернативы // Элитизм в России: "за" и "против". С. 6–28; Куколев И., Штыков П. Становление элитоведения (1991–1996) // Социальные исследования в России: немецко-российский мониторинг. Берлин – Москва, 1998. С. 107–137; Лапина Н.Ю. Российские региональные элиты: новое в изучении // Социальные и политические ориентации санкт-петербургской элиты. СПб., 1998. С. 61–66; Мохов В.П. Элитизм и история: Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2000; Охременко И.В. Элита и общество (обзор литературы) // Политическая элита: состояние и перспективы становления. Политическая социология: Информационный бюллетень. 1993. № 7 (14). С. 93–103; Региональные элиты России: Проблемы, подходы, гипотезы: Программа исследования. СПб., 1999; Gel'man V., Tarusina I. Studies of Political Elites in Russia: Issues and Alternatives // Communist and Post-Communist Studies. 2000. Vol. 33. N 3. P. 311–329; Steiner H. Elite Research in Russia: Characteristics of Russian Elite Research // Elite in Transition: Elite Research in Central and Eastern Europe / Ed. by H. Best, U. Becker. Opladen, 1997. P. 107–132.

³ См.: Гельман В. По ту сторону Садового кольца: опыт политической регионалистики России // Полития. 2001–2002. № 4. С. 65–94; Гельман В., Рыженков С. Политическая регионалистика России: история и современное развитие // Политическая наука современной России: тенденции развития / Под ред. Ю.С. Пивоварова. М., 1999. С. 204–210; Они же. Политическая регионалистика

ных элит. Обозначившаяся в результате библиография выглядит весьма внушительно. Ее анализ, впрочем, дает основание утверждать, что наука довольно долго развивалась в рамках линейной двухполюсной парадигмы "Центр — регионы", не опускаясь до уровня субрегионов. В СССР информация о состоянии кадров руководящей номенклатуры, в том числе субрегиональной, была зоной умолчания и сводилась к парадным и формальным оценкам⁵. При М.С. Горбачеве районный номенклатурщик стал, наконец, объектом публичного внимания, прежде всего со стороны самого генсека и социологов АОН при ЦК КПСС⁶. Вероятно, это был политический заказ. Опросы были призваны продемонстрировать, что уровень готовности низовой номенклатуры к переменам выше, чем в Политбюро⁷.

"Исследовательским Колумбом" субрегионов еще в советское время стала зарубежная политическая наука. Сборники статей "Soviet Local Politics and Government"⁸ и "Local Power and Post-Soviet Politics"⁹, авторами которых были и западные, и российские ученые, приобрели известность в научном сообществе. Это был, по сути, первый серьезный опыт изучения поздней и постсоветского регионального/субрегионального политического пространства. Далее последовали несколько удачных статей на

России: от общественного интереса — к научной дисциплине? // Социальные исследования в России: немецко-российский мониторинг. С. 138—186.

⁴ См.: Джавланов О.Т., Мухеев В.А. Номенклатура. Эволюция отбора: историко-политологический анализ. М., 1993; Овечникова Н.В., Пашин В.П., Свириденко Ю.П. Историография проблем работы с кадрами (1970—1980-е гг.). М., 1988.

⁵ См. Андронников С. Рост и воспитание большевистских кадров: На опыте Выборского района Ленинграда. Л., 1939; Ботов В.П. Золотой фонд партии: подбор и воспитание кадров в Воронежской области. Воронеж, 1940; Глухов Г. Проблема кадров: По материалам обследования Северо-Кавказской краевой РКИ. Ростов н/Д, 1930; Пронин И.И. Районное звено. М., 1967.

⁶ Демократизация форм и методов работы с кадрами в условиях перестройки. Сборник научных трудов. М., 1990; Ивлев И.А., Охотский Е.В. Партийный аппарат в условиях перестройки. М., 1990. Кадровая политика КПСС в условиях перестройки. М., 1988; Гласность и демократизация. Общественное мнение о перестройке // Известия ЦК КПСС. 1989 № 4 С. 105—109; Заславская Т.И. Социализм, перестройка и общественное мнение // Социс. 1991. № 8. С. 22. Пушкиров Н.Ф. Кто же в авангарде? (Размышления над результатами однолетнего социологического исследования) // Кадры партии. 1990. № 4. С. 104—107.

⁷ См. Сельцер Д.Г. В поисках самоидентификации и рецептов выживания: к характеристике дискуссий о будущем партноменклатуры (1986—1991 гг.) // Гуманитарные науки: проблемы и решения / Под ред. А.А. Слезина. СПб., 2003. С. 257—276.

⁸ Soviet Local Politics and Government / Ed. by E.M. Jacobs. L., 1983.

⁹ Local Power and Post-Soviet Politics / Ed. by T.H. Friedgut, J.W. Hahn-Armonk — N.Y. — L., 1994.

Западе¹⁰. Наконец, с середины 90-х гг. ХХ в. Славянский исследовательский центр университета Хоккайдо (SRC) при финансовой поддержке Министерства образования, технологии, спорта и культуры Японии в рамках проектов "Изменение славяно-евразийского мира", "Региональная и субрегиональная политика в посткоммунистических странах", "Создание дисциплины славяно-евразийских исследований: мезорегионы и глобализация", "Взаимодействие между формированием местных сообществ и экспансии Евросоюза" предпринял системное и методически единообразное изучение российских¹¹ и украинских¹² субрегионов с выходом на фундаментальные обобщения¹³. Важно подчеркнуть, что проекты, наконец, мобилизовали на

¹⁰ Kirkow P. Regional Warlordism in Russia: The Case of Primorski Krai // Europe-Asia Studies. 1995. Vol. 47. N 6. P. 923—947; Melvin N.J. Consolidation of a New Regional Elite: The Case of Omsk. 1987—1995 // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50. N 4. P. 619—650; Raleigh D.J. Beyond Moscow and St. Petersburg: Some Reflection on the August Revolution, Provincial Russia and Novostroika // The South Atlantic Quarterly. 1992. N 3. P. 603—619; Lankina T. Local Government and Ethnic and Social Activism in Russia // Contemporary Russian Politics / Ed. by A. Brown. Oxford, 2001. P. 398—411.

¹¹ Регионы России: хроника и руководители. Т. 1: "Красный пояс": Центральное Черноземье — Липецкая, Тамбовская и Пензенская области (Occasional Papers on Changes in the Slavic Eurasian World N 33). Саппоро, 1997; Регионы России: хроника и руководители. Т. 2: Ростовская область, Саратовская область (Occasional Papers on Changes in the Slavic Eurasian World N 34). Саппоро, 1997; Регионы России: хроника и руководители. Т. 3: Самарская область, Ярославская область (Occasional Papers on Changes in the Slavic Eurasian World N 35). Саппоро, 1997; Регионы России: хроника и руководители. Т. 4: Ленинградская область, Калининградская область (Occasional Papers on Changes in the Slavic Eurasian World N 36). Саппоро, 1997; Регионы России: хроника и руководители. Т. 5: Рязанская, Владимирская и Тульская области (Slavic Research Center Occasional Papers N 63). Саппоро, 1998; Регионы России: хроника и руководители. Т. 6: Нижегородская область, Ульяновская область (Occasional Papers on Regional/Subregional Politics in Post-Communist Countries N 1). Саппоро, 1999; Регионы России: хроника и руководители. Т. 7: Республики Татарстан, Удмуртская Республика, Республика Мордовия (Occasional Papers on the Elite of the Mid-Volga Ethnic Republics N 3). Саппоро, 2000; Регионы России: хроника и руководители. Т. 8: Республика Марий Эл, Чувашская Республика, Республика Башкортостан (Slavic Research Center Occasional Papers: Special Issue). Саппоро, 2003.

¹² Регионы Украины: хроника и руководители. Т. 1: Донецкая область (Occasional Papers on Regional/Subregional Politics in Post-Communist Countries N 4). Саппоро, 1999; Регионы Украины: хроника и руководители. Т. 2: Харьковская область (Occasional Papers on Post-Communist Ukrainian Politics N 1). Саппоро, 2002.

¹³ Третье звено государственного строительства России: Подготовка и реализация Федерального Закона об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации (Occasional Papers on Changes in the Slavic Eurasian World N 37). Саппоро, 1998; Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World: Towards a Discipline or "Regionology". Sapporo, 2000.

исследование субрегиональной политики российских ученых (преимущественно провинциальных), ведь исполнителями работ и авторами публикаций были именно они. Это означало (возможно, даже спасло в то тяжелейшее для периферийной науки время) тихо умиралший "местный" сектор отечественной политической регионалистики. Парадокс заключался в том, что российские регионы, в смысле их научного изучения, после "раскрытия системы" в 1991 г. оказались доступнее зарубежным политологам, чем российским. Последние, в отличие от своих зарубежных коллег, получавших у себя на родине приличные гранты, в силу материальных затруднений, особенно в первой половине 90-х гг. XX в., были почти лишены возможностей серьезной компаризионистики, архивных и полевых изысканий. Так или иначе, но феномен изучения России без России (формула С. Козна²⁴) был отчасти предопределен.

Что касается собственно российской исследовательской практики, то при всем многообразии подходов и интерпретаций механизмов заигнорирования и элитозамещения в постсоветской и постсоветской России осмысленного погружения ниже уровня региона долгое время не было. Исследование "московского слуги" элитистской трансформации стало скорее исключением²⁵.

Ситуация начала меняться с помощью усилий учредителей и экспертов Международного института гуманитарно-политических исследований (ИГПИ)²⁶. При поддержке Фонда Фольксвагена были реализованы проекты "Россия регионов: трансформация политических режимов"²⁷ и "Политическая регионалистика: учебные материалы"²⁸, при поддержке Фонда Левенхьем — "Типология и объяснение региональных политических трансформаций в современной Рос-

²⁴ См.: Коза С. Изучение России без России // Свободная мысль. 1998. № 9–12.

²⁵ См.: Коза Т.Б. Кто там теперь, последние первые — первые или последние? (По материалам опроса бывших первых секретарей райкомов КПСС г. Москвы) // Мир России. 1995. Т. 4. № 3–4. С. 58–107.

²⁶ Главное в регионах России / Под ред. О. Сенатовой, А. Якурина. М., 1996; Очерки российской политики: Исследования и наблюдения 1993–1994 гг. / Под ред. Ч.Я. Гельмана. М., 1994.

²⁷ Россия регионов: трансформация политических режимов / Под ред. В. Гельмана, С. Рыженкова. М.: Бри. М. — Бердск, 2000.

²⁸ Оригинал государственной власти субъектов РФ / Под ред. В. Гельмана, А. Кузьмина, Г. Лютерандт-Михайловой, С. Рыженкова. М., 1995; Выборы и партии в регионах России / Под ред. Г. Лютерандт-Михайловой, С. Рыженкова. М. — СПб., 2000; Политика и экономика в региональном измерении / Под ред. В. Климакова, Н. Зубаревич. М. — СПб., 2000; Центр — регионы — местное самоуправление / Под ред. Т.М. Лютерандт-Михайловой, С.И. Рыженкова. М.— СПб., 2001.

си"²⁹. Наконец, в рамках исследовательского проекта "Концептуализация институциональных изменений местного самоуправления в России", выполненного в рамках программы ИНТАС, появилась монография "Автономия или контроль?" — пик анализа субрегиональной политики³⁰.

Изучение региональной и, тем более, субрегиональной политики — мероприятие воистину затратное. Прорывы здесь были осуществлены относительно большими коллективами при помощи серьезных грантодателей. Фундаментальное исследование элит северо-запада России, например, было проведено при поддержке фондов Эберта, Берихофа, РГНФ, РФФИ³¹. Кросс-исследование реформы местного самоуправления финансировал МОНФ³². Наконец, комплексное изучение региональной и субрегиональной политики, проведенное пока по семи территориям, вновь инициировал SRC³³.

А что же собственно местные исследования? Сложилась любопытная коллизия. Исследователь-провинциал кропотливо изучал свой регион, при этом, как правило, не зная зарубежной литературы и не испытывая потребности ее знать, не имея серьезных научных контактов ни внутри страны, ни вне ее и даже не выезжая за границу своей территории. Из-за полного игнорирования мировой литературы и значительного — российской таковой автор часто не знал, в чем заключается новизна его собственной работы, с чем он спорит, что доказывает и переосмысливает. Естественно, что подобное положение не способствовало развитию науки, на что указывали зарубежные³⁴ и российские³⁵ ученые. Возник серьезный

²⁹ См.: Кульмин А.С., Маслов И.Дж., Нечетов В.Д. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // Полис. 2002. № 3. С. 142–155.

³⁰ См.: Гельман В.Н., Рыженков С.И., Белоцерковская Е.В., Борисова Н.В. Автономия или контроль? Реформа местной власти в городах России. 1991–2001. СПб. — М., 2002.

³¹ Региональные элиты России: Проблемы, николы, гипотезы: Программа исследования / Под ред. А.В. Дука. СПб., 1999; Региональные элиты Северо-Запада России: Политические и экономические ориентиры / Под ред. А.В. Дука. СПб., 2001; Социальные и политические ориентации санкт-петербургской элиты. СПб., 1998; Властные элиты и лояльность: Аннотированная библиография российских изданий, 1990–2000 гг. / Отв. ред. А.В. Дука. СПб., 2001.

³² Реформа местного самоуправления в региональном измерении: По историю и теории РФ / Под ред. С. Рыженкова, П. Фигиника. М., 1999; Местное самоуправление: стратегическое измерение развития / Под ред. С. Рыженкова. М., 2000.

³³ Феномен Владимира Путина и российские регионы: новела коискусства или закономерность? / Под ред. К. Мадурато (Славянско-европейские исследования). Йель. 1. М. — Сашура. 2004.

³⁴ Выступление К. Мадурато на конференции "New Westernizers and Modernization of Russian Humanities, Social Sciences, and the Sphere of Higher Education" (Казань, 28–30 июня 2002 г.).

³⁵ См.: Гельман В., Рыженков С. Политическая регионалистика России: от общественного интереса — к научной академии? С. 142.

разрыв в качестве столичных исследований и региональных примеров ("case studies", или "area studies")²⁶. Вывод справедлив, но, на наш взгляд, фундированная теория без опоры на источники не лучше эмпиризма, и наоборот. Для достижения гармонии необходимо сближение методологических подходов.

Для чего важно изучать субрегиональную политику?

Сделанный в последнее время вывод о формировании в элитологии ядер новых научных школ²⁷, возможно, связан с первыми результатами движения в означенном направлении и с появлением новых подходов. Признанный знаток данного вопроса Г.К. Ашина заметил, что в США эта наука в практическом смысле достигла своего пика сначала на уровне городов (Р. Даль и Ф. Хантер)²⁸. Нечто похожее происходило и при изучении России. Японский профессор К. Мацуцато, используя наработанные за рубежом подходы с их отчетливой "подачкой снизу", написал серию статей о российских городских субрегионах²⁹. Схожий метод использовал и

²⁶ Там же. С. 142–143, 180–181.

²⁷ Выступление Я.Ш. Паппе на научно-практическом семинаре "Политика "Российские элиты: взгляд на регионы" 26 февраля 2004 г. (фонды "Российский общественно-политический центр" и ИНДЕМ).

²⁸ Выступление Г.К. Ашиной на научно-практическом семинаре "Политика "Российские элиты: взгляд на регионы" 26 февраля 2004 г. (фонды "Российский общественно-политический центр" в ИНДЕМ). См.: Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in an American City. New Haven – L., 1961; Dahl R. Qui gouverne? Р., 1971; Hunter F. Community Power Structure. N.Y., 1963.

²⁹ См.: Матузато К. Раскол КПСС и перетрансформация экс-номенклатурной элиты в Челябинской, Самарской, Ульяновской, Тамбовской и Тверской областях // Федерализм и децентрализация. Екатеринбург, 1998. С. 127–188; Он же. Реформа местного самоуправления в Японии и России // Третье звено государственного строительства: Россия: Подготовка и реализация Федерального закона об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации (Occasional Papers on Changes in the Slavic Eurasian World. N 37). Саппоро, 1998. С. 200–212; Он же. Стабильность и развитие: непростая дилемтика // Муниципальная власть. 1998. № 2. С. 54–56; Он же. Субрегиональная политика в России: методика анализа // Третье звено государственного строительства: Россия: подготовка и реализация Федерального закона об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации (Occasional Papers on Changes in the Slavic-Eurasian World. N 73). Саппоро, 1998. С. 12–35; Matuzato K. Local Elites Under Transition: County and City Politics in Russia 1985–1996 // Progressive Europe-Asia Studies. 1999. Vol. 51. N 8. P. 1367–1400; Matuzato K. Progressive North, Conservative South? Reading the Regional Elite as a Key to Russian Electoral Puzzles // Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World. Саппоро, 2000. P. 143–176; Matuzato K. The Split and Reconfiguration of Ex-Communist Party Factions in the Russian Oblasts: Chelyabinsk, Samara, Ulyanovsk, Tambov, and Tver (1991–1995) // Democratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization. 1997. Vol. 5 N 1. P. 51–88.

В.Я. Гельман³⁰. Появились исследования региональной (с выходом в субрегионы)³¹ и сельской³² элит.

На наш взгляд, субрегиональная политика — благодатный полигон для изысканий. Изучая ее, мы анализируем отправление политики (policy), борьбу за власть (politics) и управление (governance). Важно подчеркнуть, что наука нуждается не только в расширении наших знаний по новейшей политической истории регионов, но и в их углублении. Глубокое погружение в проблемы развития региона (области) и составляющих его субрегионов (городов и районов) — актуальная и перспективная научная задача. Аргументацию можно представить в виде следующей логической цепочки: каждый регион по-своему уникален — уникальность эта не в последнюю очередь определяется своеобразием субрегионального развития — по-настоящему понять направление и характер местного политического процесса можно лишь при параллельном изучении его региональных и субрегиональных компонентов. Если лучшие межрегиональные сравнения выполнены как кросс-исследования, то субрегиональные — как внутрирегиональные кросс-исследования с тремя–четырьмя десятками частных случаев. У историков сложился такой подход: есть мега-, мезо- и микростория. Вероятно, экстраполяция: есть мега- (страны, страна, общество), мезо- (регионы, регион, сообщества) и микро- (субрегионы, субрегионы, населенные пункты, "маленький" человек в политике) политология.

Прав Матузато в том, что процесс государственного строительства в России не может исследоваться исключительно в рамках двухполюсной схемы "Центр – регионы". Двухполлярное представле-

³⁰ См.: Гельман В.Я. В поисках автономии: реформа местного самоуправления в городах России // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровня современного трансформационного процесса / Под ред. Т.И. Заславской. М., 2001. С. 268–274; Он же. Городская власть и российская трансформация // Prat et Contre. 2001. Т. 6. № 3. С. 208–277.

³¹ См.: Бахтин И.В., Бахтин О.В., Ефимова Т.В. Политическая элита современной России: региональный подход. Саратов, 2002; Зеленикова Э.А. Демократия. Власть. Элита: теория, методология и практика регионального развития. Астрахань, 2001; Лапина Н., Чирковска А. Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. М., 2000; Легушкин С.Г. Региональная политико-административная элита современной России. М., 2001; Магомедов А.К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания "снизу" (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М., 2000; Махов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь, 2003; Он же. Эволюция региональной политической элиты России 1950–1990 гг. Пермь, 1998.

³² Становление самоуправления на селе // Союз. 1997. № 1. С. 126–130; Шакин Т., Штейнберг И. Вопросын "История власти на селе" // Рефлексивное крестьянствование: Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шакина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002. С. 436–438. Авторы опроса вводят термин "сельская элита" (Шакин Т., Штейнберг И. Указ. соч. С. 438).

ние об отношениях между органами власти в России, как, впрочем, и соответствующая ему лексика ("Москва vs. регионы" или "централизм vs. децентрализация"), безнадежно устарели. Следует изучать треугольник "Центр — регионы — субрегиональные административные единицы"³³.

Этот вывод для нас принципиален, ибо призывает углубиться в изучение политической истории субрегионов. Вопросы: "Зачем изучать субрегионы?", "Разве что-то решается на этом уровне?", "Что в политическом смысле могут субрегиональные руководители?", "Не их ли волевым решением меняют региональные власти?" правомерны и требуют ответа. Тот же Мацуцато³⁴ считает, что районы и города совершенно не случайно являются первичными единицами деятельности правящих кругов России, которые не могут мобилизовать голоса населения без помощи районных и городских администраций. В свою очередь, районные и городские власти во имя победы на выборах могут предъявлять свои требования региональному руководству и Центру. Возникает взаимовыгодная коллизия "политического обмена"³⁵.

Собственный опыт исследования субрегиональной политики³⁶ убеждает: она была важна и при М.С. Горбачеве, и при Б.Н. Ельцине, остается таковой и при В.В. Путине. Лишь на первый взгляд региональные боссы всецело "заведуют" субрегиональным развитием и totally контролируют ход дел в собственном регионе. Есть грань, отчетливо представляемая всеми акторами местного политического процесса, разграничитывающая зоны ответственности региональных и субрегиональных руководителей. Причем даже сильный региональный руководитель во "внутренней политике" опирается на концентрирован-

³³ Мацуцато К. Субрегиональная политика в России... С. 12–35.

³⁴ Там же. С. 12–16.

³⁵ Там же. С. 15.

³⁶ См.: Сельцер Д.Г. Начальная фаза смены местной политической элиты: 1990 г., выборы в городские и районные Советы // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект). Тамбов, 2000. С. 65–70 (согласно с А.Н. Юдиным); *Он же*. Выборы в районные и городские Советы 1995–1996 гг.: избирательные коллизии и трансформация местной элиты // Власть, политика и выборы в регионах: вопросы истории, законодательства и практики. Тамбов, 2002. С. 53–64 (согласно с А.Н. Юдиным); *Он же*. Полигон назначений и выборов: политическая трансформация и субрегиональная элита Тамбовской области в позднесоветское и постсоветское время (1985–2001 гг.) // ACTA SLAVICA IAPONICA. Journal of Slavic Research Center. Hokkaido, 2003. Vol. 20. P. 193–229; *Он же*. От А.И. Рябова до О.И. Бетина: о традиционной парадигме "коммунисты–демократы", клановости и феномене Владимира Путина (Тамбовская область, 1995–2000 гг.) // Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная? / Под ред. К. Мацуцато (Славяно-евразийские исследования. Вып. 1). М. – Саппоро, 2004. С. 84–140; *Он же*. Комментарий по результатам экспертного опроса "Самые влиятельные люди России — 2003" в Тамбовской области // Самые влиятельные люди России — 2003. М., 2004. С. 588–597.

ную волю лидеров субрегионов, подстраивая их под себя, но одновременно и подстраиваясь под них. Кроме того, важно понимать, что свобода рук региональных руководителей в серьезной степени связана Центром. Для региональных "баронов" субрегиональные руководители являются своего рода фундаментом. В его прочности региональное руководство безусловно заинтересовано. Непрочность связи "регион — субрегионы", состояние перманентного конфликта на этом уровне в лучшем случае подрывают здание регионального благополучия, а в худшем — грозят его обрушением. В условиях кланизации российской политики, развернувшейся в 90-х годах, субрегионы являются ее мощным сегментом.

Помимо того, субрегионы традиционно рассматриваются лишь в качестве объектов разного рода манипуляций. Известные основания считать так действительно имеются. Но аналитики часто забывают, как минимум, о двух условиях: о борьбе за власть и сферы влияния субрегиональных сообществ, а также о том, что, в конце концов, на выборах последнее слово все же за избирателем — местным жителем. По нашему мнению, города и районы со своими отношениями — это, безусловно, субъекты политики. На политической арене существуют несколько условных субъектов.

1. Центр.
2. Региональные бароны³⁷.
3. Субрегиональные боссы (касики)³⁸.
4. Местные сообщества.
5. Население.

³⁷ См.: Королев А.А. О региональных "баронах", муниципальном управлении, или о власти на местах // Россия в условиях трансформаций: историко-политологический семинар. Вып. 26. М., 2002. С. 89–92.

³⁸ См. о термине: Kern R., Dolkart R. *The Caciques: Oligarchical Polities and the System of Caciquismo in the Luso-Hispanic World*. Albuquerque, 1973; Matsuzato K. From Ethno-Bonapartism to Centralized Caciquismo: Characteristics and Origins of the Tatarstan Political Regime, 1990–2000 // The Journal of Communist Studies & Transition Politics. 2001. Vol. 17. N 4. P. 43–77. Matsuzato K. From Communist Boss Politics to Post-communist Caciquismo — the Meso-elite and Meso-governments in Post-communist Countries // Communist and Post-Communist Studies. 2001. N 34. P. 175–201; Кагарлицкий Б. "Касики" по-русски // Независимая газета. 1999. 4 авг.; Ковалев В.А. Республика Коми в путина российского федерализма (Хроника республиканского политического режима и региональной политики в Российской Федерации в 1990-х — начале 2000-х гг.) // Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная? / Под ред. К. Мацуцато (Славяно-евразийские исследования. Вып.1). М. — Саппоро, 2004. С. 208; Мацуцато К. Политическая регионаология бывших соптран — достижения и задачи // Перестройка и после: общество и государство в СССР, России и новых независимых государствах. М., 1998. С. 42.

Как видим, в субрегионах сосредоточена серьезная сила (позиции 3–5), плотность и насыщенность политического процесса там велики. Это делает субрегионы притягательным объектом научного анализа.

Субрегиональная административная элита: “эпоха” М.С. Горбачева

И в Московском государстве, и в императорской России, и в СССР поступление на службу и карьерное продвижение являлись осью вертикальной мобильности. В качестве элиты в России всегда выступал властный класс — административно-политическая бюрократия. Советская номенклатура — “инобытие” имперской бюрократии. Одна из причин падения советского режима состоит в окостенении бюрократической иерархии³⁹.

Партийно-советская номенклатура восходила по служебной лестнице, как в случае с бывшим председателем Госкомпечати СССР Б.И. Стукалиным, от “Чуповки до Кремля”⁴⁰. Горбачевская перестройка продолжила линию на окрестьянивание, провинциализацию политики, властных отношений и одновременно включила механизм саремительного элитозамещения. Сам в недавнем прошлом провинциальный партийный работник, Горбачев инициировал однокомандную широкомасштабную ротацию кадров на всех властных уровнях, что привело к активизации провинциального сообщества — кадрового резервуара партии. На политическую сцену выдвинулся партийный функционер из региона. Деятельными субъектами политики, важными акторами позднесоветской трансформации оказались выходцы из районной номенклатуры⁴¹, аграрии со свойственным им менталитетом — мироощущением, образом жизни, предрассудками и комплексами. Словом, с тем, что С.И. Барзилов и А.Г. Чернышев называли “синдромом сельских парней”⁴².

Номенклатурное правило советского времени: опыт субрегионального руководства — непременное условие карьерного продвижения в аппарате партии-государства. На наш взгляд, уместна следующая формула: не всякий первый секретарь райкома становится первым секретарем обкома, но каждый первый секретарь обкома когда-то был первым секретарем райкома.

³⁹ См.: Гаман-Голутвина О.В. Понятие чина в петербургской культуре обредо почти мистический характер // Персона. 2004. № 1. С. 7.

⁴⁰ См.: Стукалин Б. Годы, дороги, лица... Воспоминания. М., 2002. С. 182.

⁴¹ См.: Махов В.П. Эволюция региональной политической элиты России 1950–1990 гг. Пермь, 2001. С. 166.

⁴² См.: Барзилов С.И., Чернышев А.Г. Сельский человек в современной российской политике: федеральный и региональный аспект // Пресс-линей: русско-российский проект (<http://www.one.ru>).

Исследователи, да и недавние первые секретари райкомов партии отмечают особое внимание к райкомовским кадрам в “эпоху” Горбачева. В 1987 г. он заметил, что без “малой революции” в партии ничего не выйдет, ведь реальная власть у партийных органов, а способные руководители начинают с райкомов⁴³. Каким образом Горбачев пришел к выводу о том, что необходимо опираться на субрегионального аппарачика?

Январский 1987 г. Пленум ЦК был посвящен кадровым вопросам. Горбачев тогда заявил: “Сегодня решающим критерием в кадровой политике, своего рода ее камертоном выступает отношение кадров к перестройке”⁴⁴. И тут он впервые “столкнулся” мешающий ему центральный аппарат со своим позиционным союзником — субрегиональным партработником. В Политбюро, по мнению бывшего генсека, стабильность кадров нужна, но нельзя доводить ее до “кадрового застоя”. В субрегионах Горбачев предлагал следовать иной логике. Здесь он находил сменяемость кадров чрезмерной — “настоящей чехардой”.

Февральский 1988 г. пленум ЦК был проведен, чтобы в очередной раз поговорить “о тех препятствиях, на которые наталкивается перестройка”. Главную опасность генсек вновь увидел в бюрократии. Его требование выглядело решительно: “Надо снять с ценностей и идеалов социализма ржавчину бюрократизма”⁴⁵. Единственный путь — демократизация аппаратного управления. И здесь Горбачев снова использовал метод “сталкивания” аппаратчиков разных уровней. Он призвал освободить низовые партийные органы от мелочной опеки вышестоящего аппарата⁴⁶.

Тенденция была обозначена отчетливо, и на февральском 1990 г. Пленуме ЦК он назвал власть партийных масс “краеугольной идеей перестройки”⁴⁷, что не встретило и не встретит впоследствии возражений. Во всяком случае И.К. Полозков 6 августа 1991 г. на Пленуме ЦК КП РСФСР заявил: “Партия еще плохо перестраивается, не спешит воплотить в жизнь принцип верховенства партийных масс”⁴⁸.

⁴³ См.: Ковалев Т.Б. Указ. соч. С. 64.

⁴⁴ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27–28 января 1987 г. М., 1987. С. 41.

⁴⁵ Горбачев М.С. Революционной перестройке — идеологию обновления: Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 г.; Постановление Пленума ЦК КПСС. М., 1988. С. 6.

⁴⁶ Там же. С. 7, 12.

⁴⁷ Материалы Пленума Центрального Комитета ЦК КПСС, 5–7 февраля 1990 г. М., 1990. С. 11–12.

⁴⁸ Советская Россия. 1991. 8 авг.

На мартовском 1990 г. Пленуме ЦК Горбачев, представляя новый устав КПСС, говорил о демократизации механизма выборности. Устав закреплял альтернативность, принцип выдвижения кандидатур снизу, широкое участие коммунистов, прямые выборы первых секретарей всех уровней. При этом возрастало влияние низовых звеньев партии — райкомов и горкомов, по словам генсека, — опорных звеньев партийной структуры⁴⁹. Выборы для номенклатуры — потрясение, тяжелейшее испытание, разрушение привычной среды жизнедеятельности. Понимая это, Горбачев сделал ставку на своих позиционных союзников — субрегиональных партработников, секретарей первичных парторганизаций. Он использовал всегда существовавшее настороженное отношение аппаратчиков выше- и нижестоящих партоганов друг к другу и нелюбовь рядовых коммунистов к коммунистам-начальникам. С санкции генсека возник так называемый феномен обратного вертикального давления. Тем самым Горбачев почти в полную мощь, сознательно и открыто запустил прежде нелегально и аритмично работающий механизм регионализации. “Красутольная идея” вызвала возражение и орготдела ЦК, и ЦКК: ясно, что “районный суверенитет” подрывал единство партии⁵⁰.

Таким образом, к противостоянию внутри Политбюро, о котором известно достаточно, добавился еще один деятельный актор — субрегиональный аппаратчик, вдруг почувствовавший собственную значимость, ведь он — за генсека, но против “темных сил”. Параллельно заложенная в новом уставе привлекательная идея демократических выборов секретарей прежде закрытых и сакральных органов партии-государства обеспечивала генсеку поддержку общества. Складывался любопытный позиционный альянс: 1) группа высших партийных руководителей в Политбюро; 2) часть аппарата ЦК, рекрутированная из верных регионалов, производственников, сотрудников академических институтов; 3) кадры субрегиональной номенклатуры (секретари райкомов и первичек); 4) известные стране деятели культуры из Центра; 5) региональные неформалы. Последние были призваны обеспечить давление общества на секретарей обкомов — жестких противников генсека. Накануне XXVIII съезда КПСС, сложного для перестройки, ее “архитектор” А.Н. Яковлев встретился с неформалами, секретарями райкомов и первичек⁵¹. В острой-

шем конфликте тамбовского “Мемориала”⁵² и руководства обкома 1989 г. не раз приезжавшие разбирать его работники аппарата ЦК всегда брали сторону неформалов с их объективно антипартийной позицией. Этим московские визитеры разительно отличались от местных руководителей, готовых к самым серьезным действиям и лиць ждавших команды.

Таким образом, жестким противопоставлением Центра и регионов Горбачев запустил современную регионализацию российской политики, обычно выводимую из правления Ельцина⁵³, и стремительно обновил кадры руководящей номенклатуры. Длительность среднего карьерного разбега резко сократилась. Появились примеры стремительных Карьер, фактически невозможных в условиях брежневского времени⁵⁴. На высшие ступени партийной иерархии поднялись, с точки зрения номенклатурной традиции, высокочки, никогда бы не взошедшие туда при обычных обстоятельствах. Вице-мэр Москвы В.П. Шанцев, в 1988—1991 гг. — первый секретарь Перовского РК КПСС, ныне признает: если не перестройка, он никогда не стал бы первым секретарем. И в Москве, и в провинции секретари “классической” карьеры позже оценият приход высокочек к руководству партийными органами в субрегионах как разрушающее партию действие. В “тамбовском случае” бывшие работники аппарата обкома говорят о горбачевских кадрах как об объективно худших в послевоенной истории партии, объясняя все злоамериканской деятельностью генсека⁵⁵. Венцом ее они считают сговор Ельцина и Горбачева, когда 20 июля 1991 г. президент РСФСР издал, а президент СССР не отменил указ о департизации. В результате начался “партийный исход”, прямо ведущий к уничтожению КПСС и спровоцировавший августовский путч. Примерно так же, но, разумеется, в более спокойной тональности, оценивают шаги обоих президентов аналитики⁵⁶. К руководству партийными органами в

⁴⁹ 56% — члены КПСС, 19% — ВЛКСМ и лишь 25% — беспартийные (см.: Сельцер Д.Г. Тамбовский “Мемориал” 1989—1999 гг.: элитистский аспект // Общественная мысль, движения и партии в России XIX—XX вв. Брянск, 2001. С. 137—140).

⁵⁰ Горбачевская перестройка открыла матрешку национализма, а слынинская “шоковая терапия” — регионализма, пишет А.К. Магомедов (см.: Магомедов А.К. Локальные элиты и идеология регионализма. С. 7).

⁵¹ См.: Радаев В.В. Трансформация элит и становление национальной элиты в постсоветской России // Роль государства в развитии общества: Россия и международный опыт. М., 1997. С. 208.

⁵² На такой интерпретации кадровой политики М.С. Горбачева, в частности, настаивает бывший первый секретарь Тамбовского обкома КПСС Е.М. Подольский.

⁵³ См.: Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю 1985—1991 гг. М., 2002. С. 204; Валухов А.Е. Новейшая история Коммунистической партии: 1990—2002. М., 2003. С. 17—18; Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985—2001: от Горбачева до Путина. М., 2001. С. 86—87.

⁴⁹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 11, 14, 16 марта 1990 г. М., 1990. С. 10—11.

⁵⁰ За строкой нового Устава КПСС // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 71—73.

⁵¹ См.: Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. С. 452, 505, 510.

регионах и субрегионах пришли даже не вторые, а трети лица, никогда и не мечтавшие стать первыми.

Субрегиональная административная элита при Б.Н. Ельцине и В.В. Путине

С 1991 г. в России на всех властных уровнях началось стремительное формирование постноменклатурной элиты⁵⁷, или новой номенклатуры⁵⁸. Правление Ельцина — это сложный период назначений (1991—1995/1996 гг.) и выборов (1995/1996—1999 гг.) первых лиц территорий. Власть отказалась провести "учредительные выборы" и в духе традиционного византийства начала европейский "transition" по-русски⁵⁹. Механизм принятия политических решений в стране, где, казалось, смыслом переустройства было его выведение из-за кулис, оказался едва ли не таким же закрытым, как в СССР.

Субрегиональная элита во многом определила своеобразие политического режима Ельцина⁶⁰. Роль нижней части властного механизма была тогда очень важна. Центр Ельцина провел назначения сначала представителей президента, затем губернаторов, а последние, в свою очередь, — глав администраций субрегионов. Назначения прошли очень напряженно. В силу отсутствия в субрегионах хоть какой-то качественной опоры назначения были проведены по принципу "более или менее". Во главе субрегионов оказались более или менее компетентные, более или менее лояльные Центру кадры. До отмены Конституционным Судом указа о запрете КПСС они сохраняли видимость лояльности. С усилением позиций компартии, ослаблением и без того несильного во всех отношениях Центра лояльность сменилась в большинстве случаев скрытой борьбой, а иногда и нарочитой конфронтацией. Субрегиональные руководители и региональная легислатура оказались средоточием оппозиционности Ельцину.

⁵⁷ См.: Жабрев А.А. Современный российский чиновник (наброски к социологическому портрету) // Социс. 1996. № 8. С. 48.

⁵⁸ См.: Барзилев С., Чернышов А. Новые номенклатурные кланы: реальности провинциальной политики // Свободная мысль. 1999. № 5. С. 23—33; Калесников А. Новая номенклатура // Новое время. 1997. № 16. С. 12—15; Черняков В.В. Новая номенклатура? // Социс. 1992. № 11. С. 65—67; Чернышев А.Г. Политическая элита и номенклатура в социальной структуре региона // На путях политической трансформации: политические партии и политические элиты постсоветского периода. Ч. 2. Политические элиты. М., 1997. С. 67—84.

⁵⁹ См.: Гельман В.Я. "Учредительные выборы" в контексте российской трансформации // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 46—64.

⁶⁰ См.: Matsuzato K. Local Elites.. P. 1367; Matsuzato K. Субрегиональная политика в России.. С. 12—35.

Выборы середины 90-х годов были эмоциональными, яростными, максимально идеяными, шедшими в варианте традиционной парадигмы "коммунисты — демократы". Субрегионалы разделились на сторонников и противников "антинародного режима". К ним апеллировали обе "воюющие" стороны. Субрегиональные администраторы еще раз убедились в собственной важности.

Во второй половине 90-х годов страсти в провинции начали ослабевать. Консолидировалась, сбивалась в крепкие региональные кланы pragmatичная элита, тяготившаяся ситуацией имманентного конфликта, bipolarного тупикового политического противостояния. Кроме того, к традиционным политическим акторам добавились более мощные — ТЭК и промышленники. Например, избирательная кампания по выборам губернатора Рязанской области в 1996 г. отразила ключевую роль в ней "субрегиональных боссов": "Борьбу за их голоса повели как поддержаные Центром креатуры олигархов ТЭКА, так и представители КПРФ и "промышленные группы"⁶¹. Главы администраций городов и районов теперь могли извлекать немалую выгоду из своего стратегически выгодного положения.

Таким образом, регионализация российской политики, начавшаяся при Горбачеве, продолжилась при Ельцине и явилась причиной ее дальнейшей дезинтеграции — субрегионализации. Без помощи районных и городских администраций региональные власти не могли мобилизовать голоса населения. В свою очередь, субрегионы могли предъявлять требования регионам. Возникла, без участия Центра, взаимовыгодная коллизия "политического обмена". В варианте ускоренного кланообразования середины — второй половины 90-х гг. личные, союзнические отношения руководителей региона и субрегионов стали мощным фактором регионализма. Субрегионы, задавленные налогами, предоставленные сами себе, стремились выжить. Это можно было сделать только через патронат субрегиональных боссов региональными. Причем субрегиональный руководитель больше не был союзником Центра — времена Горбачева прошли, а Ельцин к субрегиональной "новой номенклатуре" никогда не апеллировал. Кроме того, система формирования исполнительной власти в регионах (сильной, разумеется, по сравнению с прочими ее ветвями), вслед за исполнительной властью Центра, делала субрегиональных руководителей надежными союзниками губернатора. Аргумент прост: кроме него оказать помощь некому. Или — не оказать. Следовательно, регионы получили мощную поддержку субрегионов,

⁶¹ Авдонин В.С. Рязанская область: от "централизма Ельцина" к "централлизму Путина" через "антицентралистскую девиацию" // Феномен Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная? С. 25.

не имеющих, за редким исключением, проходов к Центру и, соответственно, поддерживающих региональную власть.

Между тем региональная власть во второй половине 90-х гг. претерпела на персональном уровне серьезные изменения. Губернаторские выборы 1995/1996 и 1999/2000 гг. привели к руководству регионами деидеологизированные фигуры, связанные с бизнесом и местными сообществами, чаще — возглавляющие региональные кланы. Проект "Все влиятельные люди России", осуществленный в 2000 г. ЦРПИ ИСАНТ и журналом "Эксперт", выявил мощную тенденцию позднесельцнского времени — слияние политической и экономической элит, формирование конгломератов, претендующих на роль доминирующих акторов региональной политики и экономики⁶². Таким образом, и на федеральном, и на региональном уровне оформились политico-финансовые кланы. Региональные кланы — это устойчивые политico-экономические группы, объединенные общностью политico-экономических интересов и консолидированные, как правило, вокруг руководителей региональной исполнительной власти на основании отношении личной зависимости. При этом преданность клану является важнейшим неформальным механизмом внутриклановой консолидации и рекрутования властных групп в регионах⁶³.

Начало президентства Путина было ознаменовано стартом "вертикализующей" административной реформы — мощными ударами Центра по регионализму. Регионам был подан ясный сигнал: на часах российских регионов — время московское (формула О.В. Гаман-Голутвиной)⁶⁴. Вместе с тем вытеснение властной вертикали ослабило позиции губернаторов как акторов федеральной политики, но одновременно укрепило их как региональных боссов. Губернаторам была оказана помощь под гарантии обеспечения нужных Центру результатов на федеральных выборах. На наш взгляд, Кремль перед выборами 2000 г. разработал технологию, которая состояла из нескольких последовательных действий.

1. Центр помогает сильному региональному клану и непосредственно его руководителю.

2. "Сильный клан берет все" (побеждает на выборах, укрепляетя, пропитывает собой весь властный механизм).

3. Региональный клан обеспечивает победу "своего" кандидата в президенты.

4. Центр платит невмешательством в кадровые назначения (отдано на откуп клану), включением региона в федеральные программы, трансферты, наилучшим положением в федеральном округе, особым благожелательным вниманием к руководителю клана, поддержкой его реноме в центральных СМИ и т.д.

5. Центр требует жесткого подчинения и работы регионального клана по четким правилам.

Результат: рост влияния губернаторов и в политике, и в экономике⁶⁵.

Как в этой ситуации изменилось положение субрегионалов? Проходящие в последние годы муниципальные выборы демонстрируют жесткое вмешательство в их ход областных администраций. На наш взгляд, это в какой-то мере напоминает, не процедурой (тогда предлагают структуры "Демократической России", согласовывают местные Советы, назначает губернатор; ныне — голосует население), а скорее сутью и результатами способ подбора первых лиц на рубеже 1991—1992 гг.

Свои выводы попытаемся сформулировать в виде следующих тезисов:

1) субрегионы являются мощным сегментом российской политики, должным образом в российской науке не оцененным. В лучшем случае концепт "субрегиональная политика" синонимичен концепту "городская политика", не более;

2) субрегиональные администраторы — важные акторы политического процесса и при Горбачеве, и при Ельцине, и при Путине:

— при Горбачеве — как важнейшая часть наспех сбитого альянса, противостоящего традиционной номенклатуре. Субрегиональный руководитель впервые почувствовал собственную важность. Генсек открыл вакансии в иерархиях, запустив в номенклатуру людей "второго плана", деформировал "служилое государство", усилив его субрегиональный уровень, что ныне оценивается как его особое коварство, внутрипартийный переворот⁶⁶;

— при Ельцине до середины 90-х гг. — как политизированные субрегионалы, средоточие оппозиционности президенту. Во время выборов середины 90-х гг. субрегиональные администраторы еще раз убедились в собственной важности;

— при позднем Ельцине — как часть новой номенклатуры, ее низовое звено, члены формирующихся региональных политico-экономических кланов, пришедших к власти в конце 90-х гг.;

⁶² Эксперт. 2000. № 38. 9 окт.

⁶³ См. Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: Персональный состав и тенденции эволюции // Самые влиятельные люди России — 2003. С. 50—61.

⁶⁴ Ома же. Европатрия или олигархия // Независимая газета. 2000. 15 марта.

⁶⁵ Ома же. Региональные элиты России. С. 43—44.

⁶⁶ См.: Стукалин Б. Указ. соч. С. 308—309.

— при Путине — как опора сформированной клановой системы и механизм мобилизации голосов населения;

3) администрация Путина пресекла попытки губернаторов занять доминирующие позиции в российской политике, но дала немалую свободу региональным кланам.

Муссирующиеся слухи об отмене муниципальных выборов не случайны. Мысли "за"⁶⁷ и "против"⁶⁸ звучат и в провинции. Кланы вряд ли заинтересованы в развитии самоуправления (только в его имитации). Главы администраций городов и районов ныне выглядят послушной территориальной номенклатурой⁶⁹. Новейшие исследования показывают, однако, что дробление элит в России — прогрессирующее явление, и субфактор определяет слабую внутреннюю сплошность региональной элиты⁷⁰. С одной стороны, клиента, борьба номенклатурных группировок, подрывающая в местных руководителях потребность в самоуправлении⁷¹. С другой — зовущий к нему инстинкт самосохранения (по Р. Даля⁷²). Данное обстоятельство только актуализирует задачу серьезной и форсированной подготовки административной и муниципальной реформ.

⁶⁷ Наше общество незрело, говорил федеральный инспектор по Тамбовской области В.М. Пучин. К нам демократия пришла недавно, и мы к ней не готовы. К созданию демократического общества идут постепенно. Соответственно, главы городов и районов области должны назначаться губернатором (см.: Тамбовский курьер. 2000. 21 февр.).

⁶⁸ См.: Казанок Г.И., Пеньков В.Ф. "Мы не настолько богаты, чтобы не ходить на выборы" // Наедине. Тамбов. 2004. № 8. 25 февр. — 2 марта.

⁶⁹ См.: Галияров Р.Р. Республика Башкортостан // Регионы России: хроника и руководители. Т. 8; Республика Марий Эл, Чувашская Республика, Республика Башкортостан (Slavic Research Center Occasional Papers: Special Issue). Саппоро, 2003. С. 322.

⁷⁰ См.: Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России... С. 61.

⁷¹ См.: Фарухшин М.Х. Авторитарная ситуация в региональном преломлении: Татарстан // Полития, 1999–2000. № 4. С. 128.

⁷² См.: Dahl R. Who Governs? P. 11–86.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Т.Н. Пищева, Н.П. Шелекасова

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Образы власти, существующие в массовом сознании, складываются не только под влиянием политических событий, но и под воздействием традиций национальной политической культуры, архетипов, которые длительное время существуют в массовом сознании. Электоральный выбор всегда происходит при сопоставлении реальных претендентов на власть с идеальными конструктами или эталонными представлениями об идеальных политических лидерах и власти в целом. Исследования, проводимые кафедрой политической психологии отделения политологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, показывают, что такие эталонные представления обладают высокой степенью согласованности и цельности у разных людей. Поэтому построение идеальных конструктов или образов востребованных политических лидеров помогает реально оценить шансы политиков, претендующих на участие в избирательной гонке. При анализе нынешней российской власти в целом выявляются существенные различия в образах реальной власти и ее идеальных конструктов.

Например, идеальная власть, в отличие от реальной, представляется в образах респондентов более когнитивно сложной, богатой и насыщенной деталями. Это делает ее более зримой и понятной, более психологически близкой и менее отчужденной. Образы идеальной власти у респондентов являются более четкими и определенными, детализированными и конкретными. В описаниях идеальной власти респонденты чаще используют гибкие и поливариантные высказывания:

"Сильная власть — власть, использующая свою силу во благо граждан; сила власти — не в том, что она издает законы, ограничивающие свободу и нормальное развитие граждан, а в том, что она способна охранять существующие законы от их нарушения".

Образы реальной власти, напротив, более однообразны, стереотипизированы, менее богаты деталями: "полный бардак", "мрак", "кушка людей, которая обворовывает всех", "семья", "грязное дело", "отсутствие хозяина". Характеристики реальной власти чаще содержат примитивные эмоциональные оценки: "равнодушная, безликая, бездарная", а также жестко структурированные bipolarные диахото-